

Дисциплина

Приучить детей к дисциплине всегда считалось одной из основных задач педагогики. И если теперь об этом говорят больше, чем прежде, то вовсе не оттого, что мы только сегодня поняли наконец всю важность проблемы, а потому, что осудили старые авторитарные методы. Всего лишь два или три поколения до нас дети не имели естественного для любого человека права непринужденно выражать свои мысли и чувства, что теперь мы позволяем им делать. Детям не разрешалось вмешиваться в нашу жизнь, что они, хотя бы отчасти, делают теперь. Прежде в большинстве случаев от них требовалось только быть на виду, но так, чтобы их не было слышно. Тогда дисциплина означала лишь привычку к порядку и повиновение под угрозой наказания. Разумеется, бывали и исключения, но вообще в семьях и в школах все в один голос учили детей безропотно занимать свое крохотное и весьма незначительное место в этом мире.

Меняются, однако, времена, изменяется и представление о воспитании. Сегодня нам стали более понятны многие особенности детской психики, которые не были известны предыдущим поколениям, и мы уже не можем больше применять прежние дисциплинарные крайности. Более того, мы считаем, что они только вредят ребенку, если его повиновение и почтительное отношение ко взрослым держится лишь на страхе наказания, потому что при этом не только подавляются его самые искренние порывы, но угнетаются его воображение, творческий потенциал, любознательность, интеллект, утрачивается даже сама способность радоваться жизни. Прежде ребенок учился таить в себе все огорчения и обиды, а это, в свою очередь, порождало в нем неуверенность и многие другие огорчительные привычки более старшего возраста. Короче, теперь мы пришли к пониманию, что нельзя требовать от детей, чтобы они без ущерба для своей психики вели себя как взрослые.

Сейчас, когда мы стали лучше понимать мир детства — этот совершенно особый, живущий по иным законам самостоятельный мир, непохожий на наш, — мы гораздо охотнее позволяем детям радоваться жизни и не вынуждаем их взрослеть раньше времени. Такой подход, такая позиция терпимости дает свои положительные результаты — и дома и в школе, где детей все менее и менее держат в строгости. Принцип, согласно которому не следует считать ребенка взрослым в миниатюре и применять к нему слишком высокие требования, выдвигают крупнейшими научными авторитетами в области детской психологии. Но и эти требования возлагают на плечи родителей куда большую ответственность, чем прежний подход.

В самом деле, мы с вами являемся продуктами более сурового воспитания. И теперь в каком-то смысле стараемся поступать вопреки принципам, в каких были воспитаны сами. Вспомните, как, предоставляя большую свободу нашим детям, мы частенько напоминаем им: «Когда мы были маленькими, о таких вещах даже и думать было нельзя!» А как часто мы сомневаемся — может, то, что было хорошо когда-то для нас, будет хорошо и для них? Иными словами, нам трудно оставаться в согласии с самими собой главным образом потому, что новые идеи столь отличны от нашего собственного опыта и мы все еще пытаемся жить по старинке, проявляя то великодушие, то строгость.

Так что же мы все-таки должны делать? Прежде всего уяснить себе, чего мы хотим добиться, требуя дисциплины. Правильнее всего было бы помочь ребенку выработать самодисциплину, то есть разумное управление собственными желаниями, порывами, побуждениями, которые необходимо пропустить через жесткие фильтры социальных условностей и благодаря этому получить наибольшее самоудовлетворение и полное одобрение окружающих. Другими словами, научить ребенка следовать требованиям общества, обходясь без личных обид, и в то же время удовлетворять личные запросы без ущерба для общества. Это сложная задача, настолько трудная, что можно, не опасаясь возражений, утверждать: нам самим, взрослым, удастся решить ее лишь отчасти и мы практически никогда не можем добиться этого от детей. Тем не менее постараемся объяснить им этот принцип и будем вести себя подобающим образом.

1. Начнем обучать детей дисциплине с самого рождения. Если же станем ждать, пока ребенку исполнится 3 или 4 года, то лишь осложним нашу жизнь. Мы должны осознавать, что дисциплина — это не только репрессивная мера, которую следует применять для исправления плохого поведения нашего чада, но что, согласно современной концепции, это нечто более позитивное и полезное, благодаря чему можно научить ребенка удовлетворять свои желания, а не сдерживать их постоянно. Едва ребенок появляется на свет, как у него уже возникает множество самых разных желаний, и чем полнее **МЫ УДОВЛЕТВОРИМ** их, тем более он будет доволен и **САМИМ СОБОЙ** и **РОДИТЕЛЯМИ**. Самое главное в этой концепции следующее: чем больше малыш будет доволен нами, тем охотнее выполнит наши распоряжения. Именно в таком случае все наши заботы о ребенке — о питании, сне, купании, отправлении естественных нужд и так далее — будут иметь определяющее значение для последующего его поведения.

К сожалению, не всегда удастся понять, полностью ли мы удовлетворяем все нужды младенца да и ребенка постарше. Он может быть скучным и раздражительным по тысяче разных причин — совсем как мы, взрослые. Так или иначе, поскольку мы то и дело заставляем ребенка отправляться в туалет либо принимать лекарства или же ложиться спать, он очень скоро поймет, что не может целиком доверяться нам, и его первоначальный протест легко превращается в подозрительность и обиду. Короче, ребенку хочется узнать, до каких пределов он может делать то, что хочет. При этом он начинает думать, что родители следят за ним вовсе не для удовлетворения его желаний, а для того, чтобы сдерживать их. Вот так высеваются семена отрицания и неповиновения.

Другими словами, фундамент послушания закладывается в раннем детстве. Наши ошибки, даже неслучайные связанные с такими повседневными делами, как еда, правление естественных нужд, портят отношения между родителями и детьми и, в свою очередь, образуют пору, на которой развиваются последующие проблемы дисциплины, хотя на первый взгляд между ними и не видно никакой связи.

2. Разберемся, каково же подлинное намерение ребенка — как он хочет вести себя — хорошо или плохо? В тех случаях, когда он настроен вести себя неподобающим образом мы, как правило, допускаем грубую ошибку, сразу не делая вывод, который кажется нам совершенно очевидным; ребенок преднамеренно делает что-то не так, как нужно. Вопреки всякой логике мы сразу же решаем, что **ХОЧЕТ** быть плохим, а раз так,

наши слова и действия тоже оказываются как бы запрограммированными — мы сердимся, обижаемся, негодуем и возмущаемся. Даше убеждение, будто ребенок специально поступает плохо, основано прежде всего на том факте, что мы прежде уже не раз ругали его за подобный проступок, р. он опять повторил его, подтверждая наше мнение о нем. Что ж, вполне возможно, в каких-то случаях поведение ребенка может быть и преднамеренным, как реакция на наш резкий выговор. Вот почему к нашему первому совету о том, что приучать ребенка к дисциплине лучше всего на основе добрых отношений с ним с самого раннего детства, мы добавим, что столь же важно все время поддерживать и развивать эти добрые отношения, чтобы у ребенка возникло ЖЕЛАНИЕ принять наше руководство и контроль над его поступками. Это первый, исключительно важный шаг, который поможет избежать каких бы то ни было трудностей, связанных с налаживанием дисциплины.

Шестилетняя Мэри, например, была непослушной девочкой, безалаберной, часто выходившей из себя от злости. Ей читали нравоучения, ее ругали и наказывали, но все было безрезультатно. И усилия родителей увенчались успехом только тогда, когда, воспользовавшись нашим советом, они постарались сделать так, чтобы Мэри сама захотела слушаться их. А совет заключался в том, чтобы на какое-то время закрыть глаза на ее плохие поступки и всячески подчеркивать в ее поведении все хорошее. Взаимоотношения Мэри с родителями улучшились настолько, что девочка научилась с первого раза понимать, что от нее требуется, и охотно выполняла и просьбы.

3. Проблемы, связанные с дисциплиной, иной раз вынуждают принимать важные решения, но прежде всего необходимо разобраться в том, чего мы, собственно, добиваемся от ребенка. Не отдавая себе в этом отчета, многие родители — даже исполненные самых благих намерений — в конце концов приходят к тому, что стремятся сделать своего ребенка не столько СЧАСТЛИВЫМ сколько превосходно воспитанным. Однако если справедливо, что счастливый ребенок — это обычно дитя воспитанное, то было бы ошибочно думать, будто каждый воспитанный ребенок всегда счастлив. Примерное поведение не делает детей счастливыми. И наша главная задача — добиться в первую очередь психической уравновешенности нашего сына или дочери и уже потом — их безупречного поведения. Сделать это гораздо труднее, чем мы себе представляем. Счастье и уравновешенность к тому же не столь наглядны, как плохое поведение и непослушание. Чтобы понять, насколько психически уравновешен ребенок, порой требуется помощь врача-специалиста.

Огромное значение имеет и то обстоятельство, что все мы очень хотим, чтобы дети оправдывали нашу репутацию и наши надежды. Все мы, родители, очень тщеславны все мечтаем видеть своего ребенка лучшим по способностям, талантам, первым в учебе и спорте. Все мы радуемся, когда он занимает призовое место в конкурсах и соревнованиях. И тут нет ничего предосудительного. Но вес это почти неизбежно отражается на наших отношениях с детьми. Я встречал множество матерей, которые неимоверно гордились тем, как быстро малыш выпивал рожок с молоком, как легко он научился самостоятельно пользоваться горшком, какие замечательные успехи сделал в школе, но ни одна из них не посетовала на инфантильность своего дитяти. Все гордятся быстрыми успехами и бывают

счастливы, если их 5—6-летний ребенок ведет себя в смысле воспитания как 35-летний человек. А это означает лишь одно — полное поражение родителей как воспитателей.

И напротив, когда не удастся добиться преждевременной «зрелости» ребенка, мы, родители, чувствуем себя настолько не в своей тарелке, что готовы едва ли не публично принести извинений за неудачу, а в душе так расстроены, что способны прибегнуть даже к лести, угождению и жалобам, лишь бы заставить его принять свою точку зрения. К сожалению нам, родителям, обычно не достает терпения, и дети сразу подмечают это. Тогда мы, взрослые, выглядим в их глазах суровыми, а не ласковыми любящими, чуть ли не деспотами, которые подавляют любые их желания, а не помогают их проявлению. И они, естественно, пытаются защититься, в большинстве случаев прибегая именно к помощи той самой инфантильности, которая так не устраивает нас.

Маленький Гриша, например, в свои 5 лет способен заплакать с такой же легкостью, с какой обливался слезами в два годика. Шестилетняя Маша выслушивает свою мать с таким же видом, как делала это в 1,5 годика, когда еще не понимала, что та говорит. Толик ведет себя за столом почти так же, как вел, когда его впервые посадили обедать со всей семьей. Упорство, с каким дети стремятся оставаться детьми,— это их способ обороны от давления родителей и своего рода вызов: «Нет, я вовсе не хочу расти!»

Если бы родители не были слишком нетерпеливы и настойчивы в стремлении приучить ребенка к дисциплине, он любил бы их так горячо, что старался бы походить на и во всем подражал бы им, а у папы с мамой был бы повод чаще хвалить его поведение, нежели осуждать. Более того, ребенок понимал бы тогда, что родители скорее рады видеть его счастливым, чем образцом совершенства, большей легкостью принимал бы любое «нет», какое, они сочтут необходимым сказать ему.

4. Если не придавать этой проблеме чрезмерного значения, то со временем мы гораздо успешнее научим ребенка контролировать свои порывы, приучим его к дисциплине. Это вовсе не означает, что мы должны быть сверхснисходительны и ни в чем не отказывать нашим детям, полагая, что только тогда они всегда будут слушаться нас. Детям необходимо постоянное руководство и советы, потому что их порывы нередко бывают иррациональны и неконтролируемые. Если мы никогда ни в чем не будем отказывать им, то окажемся во власти их эгоизма. Сложность заключается не в том, отказывать или не отказывать детям в чем-то, а в умении правильно нести себя, когда приходится принимать решение. Лучше всего держаться ровно и твердо.

Маленький Денис, например, просит мороженого, перед самым обедом, но вы ему отказываете. В ответ немедленно раздается гневный вопль протеста, который означает примерно следующее: «Никогда ничего не даете мне! Вы все жадины! Ненавижу вас! И ни за что больно не буду есть суп!» Вы в свою очередь рассержены его поведением и, когда убеждаетесь, что никакие объяснения не помогают, раздражаетесь еще больше, начинаете обвинять его в непослушании и готовы сделать даже такое заявление: «Не получишь мороженого и после ужина хоть я и обещала тебе. Целую неделю останешься без мороженого! И не позволю больше смотреть телевизор.» С вашего языка готова слететь и другая угроза: «Ест сейчас же не перестанешь реветь, пойдешь спать без

ужина!» Но даже если вы приведете в исполнение хотя бы одно из этих обещаний, ваш сын все равно поймет бессмысленность остальных угроз и будет совершенно прав, не придавая этим словам ни малейшего значения. Далее сцена развивается вполне логично: твердость своего решения вы подкрепляете повышением голоса, чтобы ребенок понял, что вы действительно рассердились. Но он понимает только одно — что мама тоже легко выходит из себя. Так что, ссорясь с ним подобным образом, вы не сумеете разрешить проблему, а лишь усилите своими угрозами его недовольство и нежелание поступить так, как нужно.

В такой ситуации разумнее всего сохранять полнейшее спокойствие. Конечно, ребенок будет возмущаться, но к чему раздражаться или беспокоиться из-за его поведения? Ведь если разобраться, это не повод для того, чтобы в свою очередь набрасываться на него с криком и угрозами, лишая его ласки и любви хотя он и протестует против нашего решения.

Конечно, трудно держаться спокойно, если мы устали или раздражены настолько, что можем взорваться из-за пустяка. Успех или неудача наших усилий дисциплинировать ребенка во многом зависит от нашего настроения и состояния здоровья. Если бы мы смогли оставаться совершенно спокойными и уверенными в себе, выдерживая атаки ребенка, то быстрее научили бы его понимать, что протесты бесполезны. Он, конечно, все равно будет обижен нашим отказом, но обида его пройдет быстрее, и он будет меньше страдать из-за нее. Кроме того, ему не придется быть свидетелем недостойной картины нашего гнева из-за обиды на него, и он научится понимать, что наше «нет» вовсе не означает, что мы больше не любим его. Ведь даже отказать ребенку в его просьбе можно так, что он ощутит и нашу любовь, и нашу заботу, и наше сочувствие, а это крайне важно, потому что ребенок извлечет из такого поведения родителей очень нужный урок: хоть ему отказывают, но это отнюдь не означает, что весь мир ему враждебен. Когда он поймет это, ему будет гораздо легче спокойно отнестись к любому нашему отказу. Один из самых убедительных способов выразить ребенку нашу любовь, даже если мы ему в чем-то отказываем,— постараться умело отвлечь его внимание от того, что он требует. Сделать это нелегко и не всегда возможно. Нередко приходится перетерпеть и слезы. Однако если в тот же момент, когда мы в чем-то не идем навстречу ребенку, мы сможем предложить ему что-нибудь иное, приятное, например какую-нибудь игру, то дадим убедительное доказательство нашей любви, и он забудет про свое первоначальное желание.

Разумеется, мы не всегда бываем способны или расположены поступать так. Следует, однако, постоянно помнить, что воспитание малыша — дело крайне трудное, но со временем, когда мы научимся решать самые главные проблемы, нам станет легче. В первые годы, когда ребенок еще недостаточно понимает нас, метод отвлечения — практически единственно возможный способ в чем-то отказать ему. Позднее, даже если и не всегда будет получаться, также стоит обращаться к нему, чтобы ребенок воспринимал нас не столько как надсмотрщика, сколько как друга, который не хочет его огорчить и предлагает взамен что-то другое.

5. Важно понять, не страдает ли наш ребенок от какого-нибудь затаенного огорчения или переживания, которое может свести на нет все наши усилия приучить его к

дисциплине. Кроме множества очевидных трудностей, с какими сталкивается ребенок, пока растет, у него нередко возникают различные тревоги и волнения, которые мы даже не замечаем. Чаще всего его беспокоит опасение, будто младший братик или сестренка отняли у него внимание и любовь матери, которые прежде принадлежали только ему одному. Нередко малышу кажется, будто мать больше любит отца, а не его. Он и в самом деле замечает, как вечера и выходные дни, которые обещали ему столько интересного, оказываются для него самыми трудными из-за невозможности общаться с родителями. Постепенно у ребенка накапливаются недовольство и возмущение, он перестает слушаться, мы в свою очередь отвечаем на его поведение более резко, чем еще больше осложняем наши отношения. Бывает, что ребенку гораздо нужнее не дисциплинарные навыки, а со всем другим — ему необходимо доказательство, что мы любим его таким, каков он есть на самом деле.

Подводя итог, можно составить такую программу, следуя которой мы приучим детей к дисциплине.

Наша задача — добиться, чтобы ребенок все менее и менее зависел бы от нас в проявлении и контроле своих желаний.

Приемы, с помощью которых мы помогаем ему достичь этой цели, должны быть как можно менее тягостными для него.

Счастливое и привольное детство — лучший фундамент для закрепления прочного навыка самодисциплины.

Помогать ребенку ХОТЕТЬ быть хорошим гораздо важнее, чем сделать его послушным.

Главное наше усилие должно быть направлено на то, чтобы сделать ребенка счастливым, а не благовоспитанным.

Одна из задач родителей — помогать ребенку на разных стадиях развития, каждая из которых имеет свои особые сложности.

Постепенно мы добьемся лучших результатов, если наберемся терпения, терпения и еще раз терпения.